

А. К. МАТВЕЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИКИ РУССКОГО СЕВЕРА

1. Финская гипотеза

Вопрос о происхождении дорусских географических названий Севера имеет длительную историю¹. Свыше 150 лет тому назад знаменитый русский лингвист А. Х. Востоков поставил перед учеными задачу, над которой трудились исследователи ряда поколений и которая не решена до сих пор. В своей небольшой заметке «Задача любителям этимологии»² он предложил исследователям использовать названия мест для того, чтобы узнать, «какие племена в России первоначально жительствовавали» (208). Основываясь преимущественно на севернорусском материале, А. Х. Востоков обратил внимание на повторяемость названий рек с элементами *-га, -ва, -ба, -ма*: *Пинега, Онега, Серга, Ладбога, Ловтюга, Яренга, Пукиченьга, Нименга* и др. (209). Он даже попытался связать формальные элементы друг с другом, возводя, например, *-гда* в *Вологда, Вычегда, Судогда* к *-га*. Все эти повторяющиеся компоненты названий А. Х. Востоков считал обозначениями *воды, потока, реки* (214). Таким образом, элемент *-га* толковался «вода», «река» (215), а находящаяся перед ним часть топонима рассматривалась как прилагательное, обозначающее качество: *Оне-га, Ладдо-га, Вол-га* (215). Впрочем, в некоторых случаях компоненты *-ва, -ма* могли быть, по мнению А. Х. Востокова, общими окончаниями прилагательных или существительных в каких-либо *финских* (выделено нами — А. М.) диалектах (215).

Этой работой А. Х. Востоков положил начало той оживленной полемике вокруг вопроса о происхождении субстратных названий Севера, которая продолжается до сих пор. А. Х. Востоков установил основную задачу будущих исследований — определить по данным топонимики, кто жил на севере России в древние времена, указал на метод — выявление общих повторяющихся элементов, высказал предположение, что источники этих названий прежде всего следует искать в финских языках.

Вскоре появились и первые исследования, в которых более углубленно разрабатывалась «финская» гипотеза.

¹ Есть уже первые историографические опыты. См. А. И. Туркин. Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX — начала XX вв. — История топонимики в СССР. Тезисы докладов. М., 1967, стр. 26—29; Р. А. Агеева. Топонимика в трудах Кастрена. Там же, стр. 30—32.

² Санктпетербургский вестник, № 2, февраль 1812 г., стр. 204—215.

Естественно, что топонимикой Севера, находящегося в окружении финно-угорских и самодийских народов, прежде всего заинтересовались финно-угроведы в надежде, что ее изучение поможет прочесть те страницы древней истории финно-угорских языков и народов, которые казались навсегда утраченными. Поэтому не случайно, что первыми исследователями субстратной топонимики Севера были замечательные ученые финно-угроведы XIX века А. И. Шегрен и М. А. Кастрен. Не занимаясь специально изучением севернорусской субстратной топонимики, они обратились к ней, пытаясь разрешить вопрос об этнической принадлежности древнейшего населения севера России. Первый этап в развитии финской гипотезы как раз и характеризуется исследованиями, в которых задачи изучения субстратной топонимики Севера решались только попутно.

В многочисленных работах академика А. И. Шегрена рассматриваются различные вопросы финно-угорского языкознания и истории финно-угорских народов. Занимаясь проблемой расселения финно-угров в древности и исследуя для этой цели как историко-этнографические, так и языковые данные, А. И. Шегрен не мог не обратить внимания на топонимику, которую он и анализирует в ряде своих статей³. Наиболее важны выводы А. И. Шегрена о том, что на Севере до прихода русских жили различные финские племена — саамы, карелы, пермь (292—293)⁴.

Упомянув о пребывании саамов в Заволочье (343, 344, 492), А. И. Шегрен не приводит примеров специфической саамской топонимики и вообще говорит не о саамских, а о финско-саамских названиях (289—290), которые обнаруживает по всей Северной Двине и даже по Мезени. Карелы, по А. И. Шегрену, жили вперемешку с зырянами, но в основном на запад от Северной Двины, по Пинеге и Мезени (292, 317—318). Зыряне же преимущественно обитали к востоку от Северной Двины и несколько западнее ее (292, 300—301, 317—318, 320). С течением времени зыряне были оттеснены на восток русскими и финнами и покинули старые пермские земли, простиравшиеся до Белого моря — Биармию (320—321).

Особую ценность в исследованиях А. И. Шегрена представляет определение значения ряда топонимических формантов: *-варе* «гора» (315, прим. 216) = русск. *-горы* и карел. *vaara*, саам. *vaare*, фин. *vuori*, *-нема* «мыс» < фин. *niemi* (317, прим. 215), а на русской почве *-мена*, *-мина* (290, прим. 77), *-ла* — финское окончание названий населенных пунктов (290, прим. 75). Но особенно важно истолкование

³ А. J. Sjögren. Gesammelte Schriften. Band I. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. Spb., 1861. VII. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch, стр. 233—459; VIII. Über die älteren Wohnsitze der Jemen, стр. 463—513; IX. Wann und wie wurden Sawolotsche und die Sawolokschen Tschuden russisch?, стр. 517—539.

⁴ Более подробно концепция А. И. Шегрена рассматривается в нашей статье «А. И. Шегрен как исследователь субстратной топонимики русского Севера». — В сб.: Взаимодействие языков. Уч. зап. УрГУ им. А. М. Горького, № 80. Свердловск, 1969, стр. 105—110.

А. И. Шегреном группы формантов на -г (*a*). Указав (300), что -юг означает «река», он утверждает (512), что бесчисленные названия рек Севера на -юг, -юга, -ега, -ога и даже просто -га (или с назализацией—*-енга, -онга*) восходят к финско-саамскому названию реки *joki, jogi, jokka, juk, juch*, с которым родственно самоедское *jahaa* и к.-зыр. *ju*. Здесь же он приводит одну из своих лучших этимологий: р. *Mägräjogi* (в г. Олонце), которую русские называют *Мягрега, Мегрега*,— «Барсучья река». Эта этимология показывает, как возникает формант -ега.

А. И. Шегрен, видимо, ошибается, полагая, что названия на -енга, -инга и т. п. возникли из фин.-саам. *jega* «река» путем назализации гласного (301, прим. 512), например, *Мегрега* > *Мегренга* (512), однако в целом его концепция очень плодотворна. Несмотря на ряд неверных общих положений («емскую» теорию, переоценку роли пермского компонента в формировании субстратной топонимики региона, упрощенное представление о соотношении финского и саамского элемента и т. п.), ряд методических промахов и значительное количество разных частных ошибок, А. И. Шегрен положил начало научному изучению субстратной топонимики Севера.

Знаменитый языковед М. А. Кастрен также уделил некоторое внимание севернорусской субстратной топонимике⁵. Отождествляя древних насельников Севера с биармами, а последних с карелами (98—100), М. А. Кастрен, используя топонимические данные, доказывал, что прибалтийские финны жили не только по Северной Двине, но и по Мезени.

Этимологии М. А. Кастрена часто произвольны. Так, в гидронимах *Ижма* и *Лодма* (95) он выделяет лексический компонент *таа* «земля», сомнительный для названий рек. Ошибочно и сопоставление названия деревни *Сюземка* (95) с фин. *susi* «волк» + *таа* «земля». Неудовлетворительна с фонетической точки зрения этимология гидронима Двина (<фин. *vieno* «тихий, спокойный», 95).

Но есть и очень хорошие этимологии. Гидроним *Мудьюга* интерпретируется из фин. *muta joki* «Мутная река» (95), причем М. А. Кастрен пытается объяснить переход фин. *joki* в русск. -юга тем, что в русском языке сочетание *jo-* редко встречается в начале слова, а окончание *ki* — никогда. Важно также указание М. А. Кастрена, что *ju-* во многих названиях рек выпадает, поэтому -юга может преобразоваться в -га (или в -нга «благозвучия ради»).

Удачны и некоторые другие этимологии. Ср. *Равдагорка* и фин. *rauta* «железо» (95), Пинега < фин. *pieni joki* «малая река» (96), названия деревень с формантом -немская < фин. *niemi* «мыс»: *Каргонемская* (< фин. *karhu* «медведь»), *Кузонемская* (< фин. *kuusi* «ель»), *Сулонемская* (< фин. *sula* «талый»). Все эти сопоставления не совсем точны, так как сравнение производится только с финским (*suomi*)

⁵ М. А. Castrén. Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. Spb., 1862. Erster Theil. VII. Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud, стр. 86—106.

языком, но этот недостаток характерен, как мы увидим в дальнейшем, не только для работ Кастрена.

Кроме карельских названий на Севере, по мнению М. А. Кастрена, имеются и саамские. В частности, он удачно сравнивает название реки *Кулой* с саам. *kuolle* «рыба» (102). Однако М. А. Кастрен считает, что саамские и пермские элементы здесь редки (102). Слабые следы пермских племен есть только на правобережье Северной Двины — топонимы со словом *-курья* и основой *юр-* (Юрас, Юрола) (101). Они выклиниваются по мере приближения к Белому морю (101).

После работ А. И. Шегрена и М. А. Кастрена финская гипотеза длительного времени не разрабатывалась сколько-нибудь основательно. Я. Грот в «Заметке о названиях мест»⁶ высказывает ряд частных замечаний в ее пользу.

А. Алквист приводит несколько новых этимологий⁷, среди которых есть удачные (*Лембонемы* = *Lemponiemi*, *Варбозеро* = *Varpujärvi*) но ошибочно сравнивает *Чухченемское* с фин. *Suksiniemi*.

В конце XIX века к концепции А. И. Шегрена — М. А. Кастрена присоединяется еще один видный финно-угровед того времени М. П. Веске. В своей обширной работе⁸, интересной во многих отношениях, М. П. Веске преимущественно рассматривает финские (в основном прибалтийско-финские) элементы в русской диалектной лексике и русские слова в финских (особенно в прибалтийско-финских) языках, но некоторое внимание он уделит и субстратной топонимике.

Взгляды М. П. Веске на топонимику сформировались под влиянием трудов А. И. Шегрена и М. А. Кастрена (3). По его мнению, население северной и средней России ранее было сплошь финским (1), а Заволочскую Чудь составляли собственно прибалтийские финны — карелы и емь (14). М. П. Веске считает, что Заволочская Чудь не достигла верхнего течения Северной Двины, но в нижнем течении ее поселения простирались вплоть до Мезени (3). Предки коми-зырян населяли оба берега Северной Двины (3) и контактировали с прибалтийскими финнами (1).

В методическом отношении важно указание М. П. Веске на необходимость применения принципов звуковых законов как к апеллятивной лексике, так и к ономастике (стр. II—III). Существенна также мысль (2), что древняя чудь некоторое время говорила на двух языках, постепенно забывая свой родной язык и переходя на русский. Это четкое указание на билингвизм очень важно для понимания особенностей субстратной топонимики Севера.

В своей работе М. П. Веске довольно подробно излагает взгляды А. И. Шегрена и М. А. Кастрена на субстратную топонимику Севера и критически разбирает некоторые аргументы А. И. Шегрена в пользу

⁶ Филологические разыскания, 1. Спб, 1876, стр. 233—249.

⁷ A. Ahlqvist. Kalevalan karjalaisuus. Kalevalasta itsestään ja muualta. Helsingissä, 1887, стр. 24—25.

⁸ Славяно-финские культурные отношения по данным языка. — Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. Т. VIII, вып. 1. Казань, 1890.

«емской» концепции (6—8, 12—14), показывая, что одни «емские» названия могут быть вообще не прибалтийско-финскими, а пермскими (8—9), а другие очень трудно отличать от карельских ввиду чрезвычайной близости этих диалектов (7). Важно указание М. П. Веске на то, что форманты *-юг*, *-юга* могут быть по происхождению как прибалтийско-финскими, так и пермскими (8—9).

В основном М. П. Веске ограничивается тем, что приводит этимологии А. И. Шегрена и М. А. Кастрена, но иногда он предлагает и свои интерпретации. Они не всегда удачны. Так, нельзя сравнивать *Уфтюга* с к.-зыр *улт* «нижний» (< **Увтюга*, по мнению М. П. Веске) (9), потому что исходным является *Ухтюга*. Но есть и удачные наблюдения, например, сравнение названия острова *Колгуев* с фин. *kolikka* «угол, сторона, край, глубина, яма» (46), а также этимология топонима *Каска* < фин. *kaski* «пожога» (53).

Существенным представляется заключение М. П. Веске о том, что карелы и емь не были первоначальным населением Севера, до них здесь обитали другие финские племена—предки или родственники коми-зырян, остяков, вогулов (15).

Многое в книге М. П. Веске устарело, в ней есть явные ошибки, например, со словом *сельга* (ср. фин. *selkä* «лесной хребет») сравниваются названия деревень *Шелгуново*, *Шалезино*, *Шелково*, *Шельгино* и т. п., не имеющие к слову *сельга* никакого отношения (68—69). Однако в труде М. П. Веске исследователь субстратной топонимики Севера может найти для себя и немало важных деталей.

Известный этнограф И. Н. Смирнов в ряде очерков, посвященных отдельным финно-угорским народам⁹, также использует данные топонимики преимущественно для решения вопросов былого расселения финно-угорских народов и их этногенеза. Особенно интересен в этом отношении очерк «Пермяки».

Для работ И. Н. Смирнова свойственно прежде всего хорошее знание литературы вопроса и критическое отношение к ней. Так, весьма ценными и поучительными являются замечания, высказанные им о топонимической концепции А. И. Шегрена (Пермяки, 37—45), который, по мнению И. Н. Смирнова, не нашел объективных критериев для различения разноразличных местных названий, а исходит из «впечатления, которое оно (название — А. М.) производит на слух» (Пермяки, 40). И. Н. Смирнов правильно подметил, что одни и те же топонимические типы (на *-ома*, *-ема*, *-онга*, *-енга*, *-ега*, *-ыш*) относятся А. И. Шегреном то к финским, то к зырянским названиям, тогда как на самом деле между ними есть «типическая» разница (Пермяки, 42—43). В конечном счете И. Н. Смирнов отрицает методические основы труда А. И. Шегрена, хотя и признает за его работой научное

⁹ Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1899. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. Т. VIII, вып. 2. Казань, 1890. Пермяки. Историко-этнографический очерк. Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. Т. IX, вып. 2. Казань, 1891. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань. 1895. Критику см.: E. N. Setälä. I. N. Smirnow's Untersuchungen über die Ostfinnen. JSFOu., XVII. Helsingfors, 1900.

значение первого труда по обсуждаемому вопросу, в котором очень много ценного (Пермяки, 44—45). Ту же ошибку находит И. Н. Смирнов и в работе М. А. Кастрена о Заволочской Чуди, так как М. А. Кастрен тоже не учитывает, что у всех финнов названия строятся по определенным типам из определенных элементов (Пермяки, 45). Эти методические замечания И. Н. Смирнова очень существенны.

Взгляды самого И. Н. Смирнова на происхождение субстратной топонимики Севера довольно противоречивы. Так, критикуя А. И. Шегрена за «пермскую» гипотезу (ср. выше) и отрицая большинство его сопоставлений (Пермяки, 40—43), он вместе с тем допускает, что древние пермяне заселяли огромную территорию, охватывавшую Вологодскую, Костромскую, Владимирскую, Московскую и Калужскую губернии. Аргументация этого положения сводится к тому, что все названия рек на *-ма* объявляются пермскими: *-ма* могло произойти из *-ва*, «вода, река» на почве русского усвоения или уже в самом языке исчезнувшего пермского племени означало «вода, река» (Пермяки, 78—81). Таким образом, в число пермских топонимов попадают *Ижма*, *Лодма*, *Уйма* (Пермяки, 45), в которых М. А. Кастрен выделял формант *-таа* (Пермяки, 45, 79), а также *Яхрома*, *Ведома*, *Москва*, *Протва* (Пермяки, 93). Все это, конечно, явное заблуждение. М. Фасмер (В., IV, 227) справедливо критикует И. Н. Смирнова за попытку вывести все названия на *-ма* из коми-зырянского *-ва*.

В конечном счете И. Н. Смирнов беспредельно расширяет зону расселения пермских народов в древности и, в частности, приходит к выводу, что вотяки (удмурты) освоили территорию, которую до них занимал другой пермский народ. Слово *ма* (= *ва* «река») принадлежит этой доводяцкой пермской чуди (Вотяки, 30—40).

К северу от пермяков на территории Архангельской губернии, по И. Н. Смирнову, жили западные финны, например, на Пинеге — карелы (Пермяки, 12, 15). Названия на *-енга*, *-онга*, территория распространения которых определяется относительно точно, квалифицируются как близкие к лопарским, хотя в то же время с явной симпатией говорится об угорской гипотезе Д. Европеуса и о возможности угорского происхождения этих названий (Пермяки, 44). Заметим, что в других местах той же работы концепция Д. Европеуса подвергается резкой критике (Пермяки, 47—53, 102—107).

Важна мысль И. Н. Смирнова о том, что до марийцев на территории их современного расселения жили какие-то неизвестные племена (Черемисы, 19—20). Он приводит целый список домарийских названий рек: *Ветлуга*, *Кокшага* и др. (Черемисы, 20) и приходит к заключению, что они «не поддаются... объяснению из живых финских наречий и принадлежат, судя по сходству или даже тождеству, народу, занимавшему громадное пространство от меридиана Москвы до меридиана Перми» (Черемисы, 20).

Из этого высказывания, однако, нельзя делать вывод о том, что И. Н. Смирнов считал домарийские названия нефинно-угорскими, так как речь идет только о невозможности связать их с **живыми** (выделено нами — А. М.) финно-угорскими языками.

В появившейся в 1907 г. книге А. Орлова «Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей» (Вельск, 1907) автор приходит к неаргументированному выводу (421—424), что все реки Европейской части России и большинство значительных рек Западной Европы получили свои названия от предков финских народностей.

В работе предпринимается попытка произвести формальную классификацию (3—22), но она очень неудачна: выделяются названия на -га, -г, -ма, -м, -ва, -в, -ба, -бь, -да, -д, -дь, -жа, -ж, -за, -з, -ка, -к, -ла, -л, -ля, -ль, -на, -н, -па, -п, -пь, -ра, -р, -са, -с, -сь, -та, -т, -ть, -ня, -нь, -ря, -рь, -я, -й, -фа, -х, -ца, -ц, -ча, -ч, -чь, -ша, -ш, -ца, -щ.

Названия на -ва считаются вотяцкими и зырянскими, на -га — лопарскими, на -ма — вотяцкими, на -ша, -са, -сса — мордовско-черемисскими (35), остальные возникли «путём фонетических видоизменений» (36).

В целом работа А. Орлова по-дилетантски беспомощна, но в ней есть отдельные интересные замечания: верно отмечено, что ударение в субстратных топонимах находится на первом слоге (3,24), что названия рек обычно имеют окончание -а, озер — -о (Волга — Волго, Су-ма — Сумо, Кена — Кено (33), есть интересные наблюдения в области фонетики -га>-жа, -ж (Пучега — Пучеж), -ба<-ма, -ва (36).

С. К. Кузнецов (Русская историческая география, вып. 1. М., 1910) справедливо призывает к осторожности при этимологизировании топонимических названий, однако построения самого автора в громадном большинстве случаев чисто произвольны¹⁰. Рассматривая топонимику областей, примыкающих к севернорусскому региону с юга, а частично и входящих в него, С. К. Кузнецов выделяет древнемерянский¹¹ топонимический слой, «объясняемый» им из марийского языка. Ни о каком строгом методе здесь не может быть и речи: не учитывается ни типология, ни звуковой состав, ни семантические особенности топонимов. Этимологии чаще всего беспомощны: *Мегра*<мар. *магрэм* «мычу, реву», т. е. «Ревун», *Сизьма*<мар. *шижам* «чувствую», т. е. «Чуткая» (156). Все же и в этой работе можно найти отдельные интересные наблюдения: *Вондонга*<мар. *вондо* «куст» + *га*, т. е. «Кустовая» (156).

¹⁰ См.: А. И. Попов. Географические названия (введение в топонимику). М.—Л., 1965, стр. 99—100.

¹¹ «Мерянские» элементы в топонимике привлекали внимание и раньше, ср.: «... вся нынешняя Ярославская губерния (разве-за исключением частей Мышкинского и Моложского уездов) была в древности заселена собственно мерею и что, следовательно, её языку принадлежат все эти странные названия рек и речек и стоящих по ним селений: Волга, Толга, Молога, Сога, Лига, Юга, Ега; Ухтома, Маткома, Едома, Урдома, Пертома, Кештома, Улейма, Учма, Кутьма; Мусора, Шумора, Конгора, Обнора, Вокшера, Сара, Клара, Ухра; Которость, Миглость, Лахость, Сулость; Юхоть, Кирехоть, Воржехоть, Шаготь; Курба, Тюмба, Ягорба, Сонгоба, Дебол, Пужбол, Пачебол, Толгсбол, Ракобол; Конша, Шопша, Шельша, Корожишна, Мимошна, Струбишна; Корчкбол, Шельшедом, Ильдом и множество тому подобных» (Список населённых мест по сведениям 1859 года. Ярославская губерния. Спб., 1865, стр. XXIII).

В работах А. Л. Погодина наряду с лексическими элементами финно-угорского происхождения исследуются и географические названия, в основном связанные с прибалтийско-финскими источниками¹². В большинстве случаев они относятся к территориям, находящимся за пределами нашего региона. Это обычно фрагменты, не имеющие сколько-нибудь принципиального значения.

Заметим все же, что отдельные наблюдения А. Л. Погодина представляют бесспорный интерес: ср. *Вологда* < **valg(e)da* «белый» при фин. *valkea*; *Валдакурья* < фин. *valta*, вепс. *vald* «власть, право»¹³.

Новый (второй) этап в изучении субстратной топонимики Севера наступил с выходом ряда работ известного слависта М. Фасмера, проявившего к этой проблеме пристальный интерес.

Из работ М. Фасмера, посвященных дорусской топонимике, некоторые относятся непосредственно к рассматриваемой территории. Наиболее существенны *Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas*. (II, III, IV части)¹⁴, в которых М. Фасмер на основе топонимических данных пытается установить былое расселение дорусского населения на Севере, и итоговая работа *Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung*¹⁵.

Что принципиально новое внесли в изучение проблемы работы М. Фасмера, которые были уже специально посвящены топонимике исследуемого региона?

1. Несомненным достоинством работ М. Фасмера является стремление дать достаточно полный обзор субстратной топонимики изучаемой территории: в его работах приводятся сотни этимологий, т.е. анализируется довольно значительный материал, причем учитывается география топонимов.

В работах нет топонимических карт, однако региональный принцип рассмотрения материала относительно успешно используется при анализе компактных групп топонимов одного происхождения. В то же время М. Фасмер признает, что изучение изолированных имен не может привести к солидным результатам и что необходимо исследовать топонимику фронтально на большой территории¹⁶.

2. Работы М. Фасмера отличает стремление к итоговости, отсюда критическое, в основном весьма объективное, рассмотрение работ

¹² Из истории сношений финнов с индоевропейцами. — Известия ОРЯС, X, № 3. Спб., 1905, стр. 1—23; К вопросу о древнем населении нашего Севера, лопарях и чуди. — ЖМНП, 1912, ноябрь, стр. 94—111.

¹³ Из истории сношений финнов с индоевропейцами, стр. 9—10.

¹⁴ II. Die ehemalige Ausbreitung der westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. SPAV, Phil.-hist. Klasse XVIII, Berlin, 1934, стр. 351—440. III. merja und Tscheremissen. SPAV, Phil.-hist. Klasse, XIX, Berlin, 1935, стр. 507—594. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permian in Nordrußland. SPAV, Phil.-hist. Klasse, XX, Berlin, 1936, стр. 176—270 (в дальнейшем соответственно. — В., II, III, IV).

¹⁵ Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften. Heft. 5, Berlin, 1941.

¹⁶ Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands ... , стр. 33—34.

предшественников и достаточно солидный научный аппарат (см., например, В., II, 351—362).

3. Используются достижения лингвистики в других областях, в частности, известные работы Й. Микколы и Я. Калимы о финско-русских лексических связях (ср. В., II, 360—361). М. Фасмер пытается (и иногда не без успеха) применить фонетические соответствия, выведенные при изучении русских апеллятивов прибалтийско-финского происхождения, к топонимике и даже определить по фонетическим данным относительное время усвоения названия. При этом М. Фасмер сопоставляет сведения о географии топонимов с фонетическими свидетельствами (падение редуцированных; полногласие и т. д.), пытаясь определить относительную хронологию усвоения названий по регионам. Это делается не всегда удачно, но как методическое нововведение весьма важно.

4. М. Фасмер использует в дополнение к этимологическому исследованию различные специальные приемы изучения топонимов: сопоставляет разноязычные названия с одним значением, связанные со смежными объектами; отыскивает топонимические билингвы, относящиеся к одному объекту; учитывает употребляемость топонимов в качестве апеллятивов (*Лахта*, *Сельга*), так как подобные названия могли быть уже русского происхождения (к сожалению, постоянно нарушая выдвинутый принцип, ср. В., II, 386, № 21, 392, № 3).

5. В работах М. Фасмера предпринимается попытка учесть структурную и семантическую типологию топонимов. Он устанавливает характерные для данной территории структурные и семантические *Ortsnamentypen* и сопоставляет их с топонимикой живых финских языков — финского (чаще всего), эстонского, саамского, пермских, а с точки зрения семантической типологии — и с русским языком. Так, в качестве признаков прибалтийско-финской топонимики (В., II, 354) устанавливаются детерминативы *-järvi*, *-niemi* и др., а также часто встречающиеся основы *haapa*-, *mänty*-, *kuusi*-, *musta*- и т. п., примерами саамизмов служат основы, содержащие слова *colbme*, *njalbme*, *kimč*, *goaskem*, *njuktsa*¹⁷ и т. д.

Методический прием выделения *Ortsnamentypen* полезен, но несколько прямолинеен, так как в «мёртвых» языках может быть иное соотношение лексических компонентов, чем в живых. Ни М. Фасмер, ни его современник Я. Калима, как мы увидим дальше, к сожалению, не смогли преодолеть эту прямолинейность, объясняя, например, названия типа *Чухченема*, *Чишнема* всегда как саамско-финские (В., II, 422) или коми-зырянско-финские (В., IV, 235) гибриды.

6. Важна установленная М. Фасмером классификация субстратного материала в зависимости от степени его переработки на русской почве¹⁸: 1) сохранение обеих частей сложного слова; 2) частичный перевод; 3) эллипсис; 4) полный перевод.

¹⁷ Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands...

¹⁸ Там же, стр. 25.

Однако наряду со всем новым и положительным, что внес М. Фасмер в методику исследования субстратных топонимов, в его работах имеются и существенные недостатки.

1. Хотя материал, использованный М. Фасмером, довольно значителен, его источники («Списки населенных мест») весьма ненадежны. Поэтому часто ошибочность этимологии обусловлена самим материалом (так, *Коскоменское* сравнивается с фин. *koski* «порог», В., II, 423; фактически это *Каскомень*, сопоставляемое с фин. *kaski* «пожоба», мифическая *Пишбера* в действительности функционирует как *Пимбера* и, конечно, не имеет никакого отношения к удм. *pižber* «задняя часть судна», В., VI, 238).

2. Количество фактов все же недостаточно для категорических суждений, с которыми мы часто встречаемся в работах М. Фасмера. Так, в Пинежском уезде им обнаружено всего 6 названий прибалтийско-финского происхождения и среди них вообще не засвидетельствованы названия рек. Совсем не находит М. Фасмер прибалтийско-финской топонимики на Мезени (В., II, 422—425). Отсюда делается вывод об отсутствии или слабости прибалтийско-финского компонента на упомянутых территориях. Но это мнение не соответствует действительности.

Неполнота материала обусловила ошибочность или неточность многих выводов М. Фасмера. Так, выделяя формант *-хта* (правильнее *-охта*, *-ехта*), он рассматривал топонимы с этим формантом как неиндоевропейские (а возможно и нефинно-угорские), между тем как основу *челм-* в *Челма*, *Челмозеро* считал саамской (саам. *soaľte* «пролив») ¹⁹. Однако сопоставление топонимов *Челма*, *Челмозеро*, *Челмус*, *Челмохта* ясно показывает, что «неиндоевропейские» элементы в данном случае могут рассматриваться как саамские (или близкие к ним).

3. В работах М. Фасмера недостаточно учитывается формальная характеристика названий, что приводит его к противоречивым суждениям. Так, например, коми-зырянскими объявляются и названия на *-уга* (*Ежуга*, *Кожуга*, В., IV, 237—238) и на *-енга* (*Леменга*, *Еденга*, В., IV, 237, 246.), что, конечно, неверно.

4. Так называемые *Ortsnamentypen* не всегда имеют прямое отношение к рассматриваемому вопросу. В частности, коми-зырянские названия на *-шор*, *-ва*, *-ёль* и удмуртские на *-шур*, *-вай* (В., IV, 221—228) на Севере не находят убедительных соответствий. Поэтому выделение подобных *Ortsnamentypen* в пермской топонимике ничего не доказывает.

5. При исследовании прибалтийско-финских топонимов М. Фасмер ограничивается сопоставлениями с финским и эстонским языками, хотя гораздо важнее свидетельства карельского и вепского (ср. В., II, 379: *Кузегга* < фин. *Kuusijoki*).

6. Встречаются факты, говорящие о неосведомленности М. Фасмера в некоторых вопросах русской диалектологии. Таково сравне-

¹⁹ Там же, стр. 27

ние названия населенного пункта *Лампоженская* с *Ламбош-Губа*, так как фактически имеем *Лампожня* с русским детерминативом *пожня* «луг».

7. Допущены ошибки при толковании фактов фонетических наблюдений. В частности, для территории русского Севера предполагается наличие соответствия фин. *u* > русск. *ѣ* > русск. *о*, но в действительности в пределах рассматриваемого региона фин. *u* всегда соответствует русск. *у* (ср. *Мустозеро* и фин. *musta* «черный»). Отсюда следует ошибочность таких сопоставлений, как *Моткозеро* и фин. *mutka* (В., II, 381), *Похта* и фин. *puhdas* (В., II., 382), *Лохта* и фин. *luhta* (В., II, 382, 383, 386). Фактически в этих случаях выступает соответствие фин. *a* ~ русск. *о* (ср. фин. *matka*, *lahti* или, если мы имеем дело с саамскими данными, соответствие саам. *o* (или звука, близкого к *o*) ~ русск. *о*. Противоречивость позиции М. Фасмера усугубляется тем, что иногда он допускает и существование соответствия фин. *u* ~ русск. *у*: *Пухта*, *Лухтозеро*, *Мустозеро* (В., II., 402, 403, 407).

Все эти недостатки работы М. Фасмера неизбежно должны были сказаться и на этимологиях, среди которых очень много ошибочных. Особенно слабы этимологии из пермских языков (В., III), ср.: *Пуш-лахта* < к.-зыр. *piś* «хвост» + фин. *lahti* «залив» (В., IV, 235), *Пуя* < удм. *piji* «мешок» (В., IV, 236), *Пинюга* (фактически *Пинюг*) < к.-зыр. *piñ* «зуб» (В., IV, 243—244), *Шорега* (В., IV, 248) < к.-зыр. *šor* «ручей» + *ji* «река» (в Кадниковском уезде Вологодской губернии, где засвидетельствовано *Шорега*, нет даже следов коми-зырянского детерминатива *-шор*) и т. д. Вообще среди «пермских» этимологий приемлемых почти нет, поэтому доказательств существования пермского пласта в топонимике Севера очень слабы.

Таких ошибок в работах М. Фасмера много. Вот почему его труды, будучи несомненным шагом вперед, не привели все же к решению проблемы.

К каким же выводам приходит в конечном счете М. Фасмер? Карта в итоговой статье ²⁰ свидетельствует о том, что Север в последних столетиях до начала нашей эры занимали таинственные неиндогерманцы (*Nicht-Indogermanen*) и нефинно-угры, создатели топонимии на *-ма*, *-осьма*, *-ошма*, *-хта*, *-хоть*, *-гда*, *-кса*, *-киа*, которую до сих пор не удалось объяснить из финно-угорских языков ²¹.

В это же время саами занимали район Ладожского и Онежского озер и современную Финляндию, а южное побережье Финского залива и современные Новгородская и Ленинградская области были заселены западными финнами ²². Меря обитала в волго-окском междуречье (В., III, 514), а территории далее к востоку занимали черемисы и пермяне ²³.

К этой схеме могут быть сделаны следующие дополнения из других работ М. Фасмера, нередко противоречащих друг другу:

²⁰ Там же, стр. 27.

²¹ Там же, стр. 19—20.

²² Там же, карта.

²³ Там же.

1. В северо-восточной части европейской России следует считаться с самоедами, хотя не установлено, как далеко они проникли на юг (В., III, 508). Во всяком случае, названия ручьев *Енга* (Вологодской губернии) и *Янга* (Костр. губернии) могут быть сопоставлены с немецким *jeŋa* «ручей» (В., III, 509). Других примеров «самодийской» топонимики М. Фасмер не приводит, поэтому высказанное предположение остается недоказанным.

2. Меря рассматривается как племя, в языковом отношении ближайшим образом связанное с мари́йцами. Основная территория мери — Ярославская, Владимирская, Московская губернии и запад Костромской (В., III, 514). Субстратные названия здесь раскрываются при помощи мари́йского языка (В., III, 579). Севернее, в Вологодской губернии, мерянских названий нет (В., III, 581). М. Фасмер отрицает мнение, что меря была племенем прибалтийско-финского склада (В., III, 513—514)²⁴. Часть сопоставлений М. Фасмера заслуживает внимания (*Ингирь* ~ мар. *äŋgar*)²⁵, однако тезис о ближайшей связи древней мери с мари́йцами аргументирован недостаточно, так как наличие волжских (близких к мари́йскому) элементов на территории названных областей еще не является основанием считать именно эти элементы мерянскими. Кроме того, множество названий в «мерянском» регионе из мари́йских данных не интерпретируется.

3. Загадочна лингвистическая принадлежность народов, занимавших Вологодское Заволочье (В., III, 581). Названия на *-енга* и *-сора* свидетельствуют об особом финском или уральском, но не западнофинском компоненте (В., II, 428). Объединение этих формантов не обосновано, но мысль о том, что названия на *-енга* не относятся к прибалтийско-финским, заслуживает внимания.

4. Саами до прибалтийских финнов занимали западную часть Архангельской губернии (В., III, 508) и контактировали на востоке с пермяками (В., IV, 217), следы которых усматриваются на территориях восточнее Онеги (В., IV, 257—258). Затем саами были оттеснены западными финнами (В., IV, 176). Саамские названия Севера обнаруживают следы прибалтийско-финского (карельского) влияния (В., IV, 187), в то же время прибалтийско-финские формы могут быть настолько близкими к саамским, что невозможно решить, с какими мы имеем дело (В., IV, 189).

5. Прибалтийско-финские племена (карелы, В., IV, 186) проникли на Север сравнительно недавно (после V—VI вв. н. э.), и их вторжение продолжалось недолго, так как было прервано встречным движением русских (В., II, 424, 434). Поэтому прибалтийско-финские следы в топонимике Севера слабы, хотя прибалтийско-финское население проникало даже в бассейн Пинеги, Каргопольский край и западную часть Вологодской губернии (В., III, 507). М. Фасмер подчеркивает, что большая часть гидронимов на этих территориях не объясняется из прибалтийско-финских языков (В., II, 422—424; III,

²⁴ A. Pogodin. Was ist Merja? Liber Semisaecularis Societatis Fenno-Ugricae. MSFou., LXVII, Helsinki, 1933, стр. 326—330.

²⁵ Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands. ..., стр. 28.

507), количество этимологий из прибалтийско-финских источников невелико: Холмогорский уезд — 10 названий, Архангельский — 24, Онежский — 8, Каргопольский — 6 и т. п.

Итак, М. Фасмер в ряде своих работ привел материал, подтверждающий существование прибалтийско-финских и саамских элементов в топонимике Севера, справедливо указав также, что в ней имеются и другие неиндоевропейские по происхождению названия (на -ма, -хта, -гда, -кса, -киа и др.), однако он ошибочно считал все прибалтийско-финские названия Севера карельскими и неверно охарактеризовал прибалтийско-финскую топонимику как в ареальном отношении, так и по принадлежности к классу объектов, по существу отрицающая существование прибалтийско-финской гидронимики в пределах региона.

Наличие пермских элементов на Севере М. Фасмеру доказать не удалось. Волжские компоненты, по его мнению, входят только в топонимику более южных областей, например, Костромской.

Несмотря на многочисленные недостатки работ М. Фасмера, его труды были несомненным шагом вперед, так как представляли собой опыт воспроизведения этнолингвистической карты всего региона и подготавливали почву для будущих исследований.

Известный финский лексиколог Я. Калима также посвятил субстратной топонимике Севера несколько оригинальных работ. Чтобы понять методическое своеобразие трудов Я. Калимы, надо иметь в виду, что его научные интересы первоначально были связаны с изучением апеллятивной лексики, заимствованной из финских языков в русский язык и из русского языка в финские языки. Среди работ этого рода наиболее существенна для рассматриваемой проблемы монография «*Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*» (MSFOu., XLIV, Helsinki, 1919), в которой характеризуются фонетические соответствия между прибалтийско-финскими языками и русским языком и приводятся этимологии нескольких сотен прибалтийско-финских заимствований, во многих случаях имеющих параллели в топонимике. Кроме того, в этой книге находим несколько частных, но весьма существенных замечаний о субстратной топонимике Севера.

Позднее Я. Калима посвящает проблеме ряд специальных работ, из которых наиболее интересны для нас:

1. Neuere Forschungen über baltisch-finnische und finnisch-slavische Beziehungen. Zu den westfinnischen geographischen Namen in Rußland. Zeitschrift für slavische Philologie. Band XII. Doppelheft 1—2, Leipzig. 1935, стр. 131—141.

2. Einige russische Ortsnamentypen. FUF, XXVIII, 1—3, Helsinki, 1944, стр. 99—150.

3. Zu den anl. Sibilanten der ostseefinnischen Ortsnamen im Russischen (там же, стр. 151—162.).

4. Über die Erforschung russischer Ortsnamen fremden Ursprung. Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften. 1945. Helsinki, 1946, стр. 122—134 (в дальнейшем соответственно—NF, ERO, ZAS, UERO)

Исходя из тесных прибалтийско-финско-русских лексических контактов, Я. Калима создает очень своеобразную концепцию, которой пытается объяснить ряд «темных» моментов в субстратной топонимике Севера, но в отличие от М. Фасмера работы Я. Калимы посвящены отдельным фрагментам проблемы, хотя и претендуют на широкие обобщения в области методики топонимических исследований.

На формирование взглядов Я. Калимы, видимо, повлияли следующие обстоятельства: 1) стремление объяснить большинство фактов субстратной топонимике Севера средствами прибалтийско-финских языков; 2) недоучет специфики древних языков этого региона, отличающихся во многом от известных финно-угорских языков; 3) интенсивные разыскания в области прибалтийско-финско-русских апеллятивных заимствований.

Я. Калима вслед за М. Фасмером признавал наличие неприбалтийско-финского слоя в топонимике Севера (NF, 131), но в то же время постоянно указывал на существование мощного прибалтийско-финского топонимического пласта. Отмечая суффиксальное своеобразие топонимов, имеющих прибалтийско-финские основы (например, форманты *-v+ньга*, *-v+нда*), и их фонетические особенности (наличие начального *ш-*), Я. Калима, не находя этим явлениям видимых объяснений на прибалтийско-финской почве, ищет их в русском языке, полагая, что прибалтийско-финские по происхождению суффиксы распространяются в русских диалектах и присоединяются к заимствованным прибалтийско-финским основам (ERO, 132, 135). Так возникают названия на *-v+ньга*, *-v+нда*, *-ас*, *-ус*. Например, финскому *salmi* «пролив» в топонимике соответствует *Салмас* (ERO, 100). Я. Калима считает невозможным существование такой формы на *-ас* в языке-источнике (ввиду фин. *salmi*) и предполагает в этом случае наличие русского суффикса *-ас*, проникшего в русские говоры из прибалтийско-финских языков.

Я. Калима приводит очень интересный материал, сопоставляя группы топонимов с общей основой²⁶, нередко эти основы удачно этимологизируются. Однако предложенная Я. Калимой концепция распространения формантов не выдерживает критики, так как непонятно, почему «русские» форманты, будто бы получившие широкое распространение в топонимике, присоединяются только к нерусским основам. В действительности на прибалтийско-финские топонимы накладываются самые различные русские по происхождению словообразовательные суффиксы: *-ка*, *-ин* (*а*, *о*), *-ов* (*а*, *о*), *-ица* и многие другие, обратные же случаи единичны и всегда представляют собою факты народной этимологии или гибридизации. Что же касается существования в топонимике таких русских суффиксов иноязычного происхождения, которые способны присоединяться только к иноязычным же субстратным основам, то их наличие, по крайней мере на Севере, не подтверждается, да и вообще сомнительно.

²⁶ К сожалению, основным источником опять-таки являются «Списки населённых мест».

Вся эта странная концепция понадобилась для того, чтобы объяснить кажущееся противоречие между данными прибалтийско-финских языков (*salmi*) и фактами топонимики (*Салмас*). Фактически же здесь речь может идти только о том, что в топонимике отражены слова с особым суффиксальным оформлением, что не представляет собою ничего неожиданного ни с точки зрения законов общей топонимии, ни с позиций прибалтийско-финского языкознания²⁷.

Эту же концепцию развивает Я. Калима в своей статье о суффиксе *-нда* (ERO, 147—148), а в одной из его последних работ уже чуть ли не все «форманты» субстратной топонимики Севера (*-ра*, *-ча*, *-да*, *-та* и др.) объявляются исконно русскими (ÜERO, 130—132). Дело доходит до того, что топоним *Шолтомеж* трактуется как сочетание основы *шол-* с тремя последовательно присоединенными русскими суффиксами *-та*, *-ма* и *-еж* (ÜERO, 129—130).

Я. Калима довольно подробно анализирует и топонимику с формантом *-ньга*, *-нга*, опять-таки делая вывод, что этот формант в русском языке был продуктивным топонимическим суффиксом, который присоединяется к нерусским топонимам различного происхождения, особенно к названиям рек и озер (NF, 133—134). Я. Калима указывает, что среди речных названий этого типа есть не только прибалтийско-финские и саамские, но также и такие, которые происходят из неизвестных языков. По мнению Я. Калимы, суффикс *-нга*, *-ньга* имеет прибалтийско-финское происхождение (NF, 141). Однако он тут же подчеркивает, что сочувственно относится и к «угорским» построениям Д. Европеуса. Утверждение Я. Калимы о широком распространении форманта *-ньга*, *-нга* на русской почве и использовании его в русской топонимике в роли своеобразного индикатора иноязычных топонимов ошибочно.

Изучение прибалтийско-финских основ привело Я. Калиму к весьма важному фонетическому наблюдению (NF, 134—137; ZAS), что в субстратных топонимических названиях (в том числе и в прибалтийско-финских) наряду с *с-* в анлауте обычен звук *ш-* (вместо ожидаемого *с-*). Это, по мнению Я. Калимы, существенно отличает топонимику Севера от заимствованных апеллятивов, в которых прибалтийско-фин. *с-* передается *с-*. Пытаясь установить причины загадочного отражения прибалтийско-фин. *с-* в топонимике то как *с-*, то как *ш-*, Я. Калима предположил, что на Севере не могло быть перехода *s > š* на прибалтийско-финской почве, и высказал мнение, что *с-* переходило уже в русский язык то в *с-*, то в *ш-* в каких-то неясных условиях (NF, 135—136). Он пришел также к мысли, что названия с начальным *ш-* могут быть вообще не прибалтийско-финскими, что в свою очередь

²⁷ В своей статье «Über die Ortsnamen Nordrusslands auf -as» (FUF, XXI, 1—2, Helsinki, 1953, стр. 92—103) Э. А. Тункело показал, что нет никакой необходимости допускать распространение суффикса *-ас* на русской почве и что это обычный прибалтийско-финский формант. Однако Э. А. Тункело прав только частично, так как большинство севернорусских гидронимов на *-ас* из прибалтийско-финских источников не объясняется.

поставило его перед проблемой, как объяснить в таком случае сложения с прибалтийско-финским формантом *-нема (-мена)* типа *Шуломенское* (NF, 136). Я. Калима не нашел верного ответа на этот вопрос, решив, что здесь выступает формант *-ма*, приобретающий на русской почве форму *-менский* > *-немское* (ZAS, 156). Кроме того, Я. Калима должен был объяснить наличие многочисленных параллелей в названиях на *ш-* между Карелией и Костромской губернией (типа *Шокиша, Шуя*, NF, 137), что привело его к мысли о перенесении ряда имен русскими в ходе колонизации и к «мерянской» гипотезе (см. ниже).

Я. Калима обнаружил ряд интереснейших соответствий в субстратных основах типа *синд-, шинд-, согр-, шогр-, сонд-, шонд-, сул-, шул-*, верно подчеркнул возможность неприбалтийско-финского происхождения соответствующих топонимов (ZAS, 158—160), но не нашел иного ответа на вопрос о генезисе этого явления, кроме довольно бездоказательной ссылки на характер приб.-фин. *s-* и *š-* в неизвестном субстратном языке, обуславливающий будто бы двойное отражение звука в русском языке (ZAS, 162). Я. Калима был более прав, когда допускал возможность существования особого звука *ш-* в языках субстрата (ZAS, 162).

Ошибки Я. Калимы явно связаны с тем, что он пытался те или иные загадочные факты субстратной топонимики Севера втиснуть в прокрустово ложе живых финно-угорских языков, что и приводило его к многочисленным неувязкам. Обнаружив, что на очень широкой территории, населенной теперь финскими народами (прибалтийскими финнами, саами, коми, манси), имеются непонятные названия типа *Шокиша, Печеньга, Ижма, Тавда* (ÜERO, 126), Я. Калима посчитал, что эти названия импортированы русскими в ходе колонизации из тех мест, где будто бы такие имена господствовали, т. е. что это «бродячие названия» (ÜERO, 126—127). Случаи переноса названий в топонимике, конечно, существуют, но сомнительно предположение, что имел место массовый перенос нерусских гидронимов русскими.

Установив ряд параллелей между топонимами Карелии и Костромским краем и убедившись в том, что соответствующие названия нельзя считать прибалтийско-финскими, Я. Калима выдвинул свою «мерянскую» теорию, по которой русские, освоившие первоначально территорию мери, перенесли часть мерянских имен в Карелию; в этом процессе могли принимать участие, по мнению Я. Калимы, и сами меряне, переселявшиеся вместе с русскими ²⁸.

Этот вариант концепции в сущности вызывает те же возражения: поверить в массовый перенос мерянской гидронимики русскими или самими мерянами невозможно, хотя отдельные случаи такой транспортировки могли иметь место. Есть сомнение и в целесообразности употребления термина «мерянский», так как не доказано, что названия типа *Шокиша, Шолтозеро* именно мерянские.

²⁸ J. Kalima. Äänisen 'tienoon paikannimiä. — Virittäjä, 1941, 3—4, стр. 326—329. Karjalaiset ja merjalaiset. — Uusi Suomi, 19.7.1942.

Значение работ Я. Калимы по топонимике очень велико, так как им сделан ряд весьма важных наблюдений, позволяющих раскрыть во многих отношениях специфику субстратной топонимики Севера, однако Я. Калима не нашел верного ответа на большинство поставленных им проблем.

С именем профессора А. И. Попова (Ленинград) связано начало следующего, третьего этапа в изучении субстратной топонимики Севера. А. И. Попову принадлежит целый ряд работ теоретического и методического характера, а также исследования по топонимике отдельных регионов, например, Белозерскому краю и Карелии. Материал субстратной топонимики Севера используется почти во всех его работах и прежде всего в его докторской диссертации «Из истории финно-угорских народностей» (Л., 1947, машинопись, часть I, II), в которой топонимика выступает в качестве важнейшего источника. Из опубликованных работ А. И. Попова наиболее важны для рассматриваемой проблемы: Топонимика Белозерского края. УЗ ЛГУ, № 105. Л., 1948, стр. 164—174; Материалы по топонимике Карелии. — Советское финно-угроведение, V. Петрозаводск, 1949, стр. 46—66; Географические названия (введение в топонимику). М. — Л., 1965, стр. 181 (в дальнейшем соответственно—ИИФН, ТБК, МТК, ГН).

Главным новшеством А. И. Попова является широкое использование данных древнерусских письменных памятников—летописей, грамот, писцовых и переписных книг и т. д. Методические установки А. И. Попова своеобразно отражают это предпочтительное обращение к древним актам: он весьма скептически относится к возможностям формантного метода и очень высоко оценивает изучение двойных («переводных») названий (ГН, 95—134).

Хотя А. И. Попов не ставит перед собой цель монографического описания субстратной топонимики Севера, как это пытался сделать М. Фасмер, он имеет цельную концепцию. Основное в ней — твердая убежденность в том, что в пределах региона в древние времена не было иного населения кроме финно-угров и самодийцев ²⁹ (ГН, 19, 113, 161).

Исходя из концепции А. И. Шегрена, работы которого оцениваются достаточно высоко (ИИФН, 1, 155—156), А. И. Попов находит на Севере прибалтийских финнов (карелов и вепсов), саами, пермян, а также самодийцев и различные вымершие финно-угорские народы особого склада, подчеркивая при этом дробность, смешанность и взаимопроникновение языков Севера (ИИФН, 1, 285—286). Следует сразу же заметить, что в работах А. И. Попова не приводятся доказательства существования на Севере пермских и самодийских элементов. Наличие сколько-нибудь заметных угорских компонентов отрицается в самой резкой форме (ТБК, 168). Позднее А. И. Попов неод-

²⁹ Но ср.: «древнейшие названия (в севернорусской топонимике — А. М.) все имеют финно-угорское или самодийское происхождение, хотя местами возможны и другие вкрапления («адстрат»), обычно очень слабые» (ГН, 156).

нократно указывал на вепские и карельские (ГН, 125, 130), а также саамские (ГН, 117, 130) элементы топонимики Севера.

Из конкретных разработок, посвященных прибалтийско-финским компонентам, наиболее интересна статья «Топонимика Белозерского края», в которой по письменным источникам выявляется ряд вепских элементов топонимики (ТБК, 174), наслонившихся на саамскую основу или взаимодействовавших с саамскими элементами (ТБК, 173). Материал здесь тоже относительно невелик (в статье приводится 21 компонент), но добротен и убедителен.

Наиболее интересными в концепции А. И. Попова являются, пожалуй, мысли о вымерших неизвестных языках Севера, выраженные не всегда четко, иногда противоречащие друг другу, но совершенно по-новому освещающие проблему. Первоначально (ИИФН, 1) А. И. Попов для обозначения вымерших финно-угров северной и средней полосы Европейской части СССР вводит термин «центральные» (ИИФН, 1,3) финно-угры (заволочская чюдь, меря, весь, мурома), подчеркивая при этом, что «центральные» финно-угры — термин географический (ИИФН, 1, 25). Действительно, весь — прибалтийско-финское племя, этническая принадлежность мери до сих пор не установлена, а мурома причисляется к мордовским племенам³⁰. Несмотря на географический характер термина, в работе приводится в качестве примера из наречий центральных финно-угров *Маисогра* «бобровое болото» (ИИФН, 1, 329—330), что предполагает лингвистическую специфичность этих наречий, а сами «центральные» финно-угры попадают в новую классификацию финно-угорских языков (ИИФН, 1, 335).

Меря, по мнению А. И. Попова, была близка по языку к марийцам и мордве (ИИФН, 1, 70), а язык Заволочской Чуды представляет собой нечто среднее между западными и восточными (т. е. пермскими, ИИФН, 1, 335) финно-угорскими языками, частично же элементы своеобразия (ИИФН, 1, 320), например, *-мин, яхр-, -юг, -сара*, имеют скорее западную, чем восточную окраску, но не принадлежат западным финнам (ИИФН, 1, 318, 319). В конечном счете Заволочская Чудь приравнивается к «центральным» финно-уграм (ИИФН, 1, 335). Из этих высказываний, если снять все противоречащие друг другу моменты, следует, что на Севере существовали особые финские языки, занимавшие промежуточное положение между прибалтийско-финскими и пермскими языками, очень своеобразные по своему типу. Однако иллюстративный материал небогат и, кроме того, нередко интерпретируется самим А. И. Поповым совершенно иначе. Например, формант *-сар, -сор* «речка, разветвление» сопоставляется с вепскими данными (ТБК, 174), а основа *ягр-, яхр-*, — с саамскими (ТБК, 173).

Позднее те компоненты, которые ранее приписывались «центральным» финно-уграм, А. И. Попов интерпретирует как мерянские, и сам термин «центральные» финно-угры исчезает из его работ. Мерянский

³⁰ Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР. — Вопросы финно-угорского языкознания. М.—Л., 1964, стр. 207.

язык рассматривается как очень своеобразный финно-угорский язык, отличный от всех ныне существующих языков этой группы³¹, но приближающийся во многих отношениях к саамскому (ГН, 127). К мерянским относятся топонимические элементы *яхр-* (*ягр-*) «озеро», *ур(и)(в)-* «белка», *сол-* «соль», *ки(в)-* «камень» *вёкс-* «исток из озера», *сорьез*, *сорьюз* «хариус»³².

В работах А. И. Попова много полезных наблюдений над отдельными суффиксами субстратных топонимов, например, *-ега*, *-ога*, *-уга*, *-нга*, *-ша*, *-са*, *-кша*, *-кса*, *-ма*, *-ла* (ГН, 102—122). Наиболее существенна здесь мысль, что не все из этих «речных суффиксов» имеют значение «вода, река» и что они могут содержать разные словообразовательные элементы. С этим трудно не согласиться.

Этимологические наблюдения над основами в работах А. И. Попова редки.

Идеи, высказанные А. И. Поповым, весьма плодотворны. Существенно также, что им подробно разработан исторический аспект вопроса.

В кандидатской диссертации Н. В. Подольской «Топонимика Новгородской земли по данным новгородских письменных памятников XI—XV веков» (Москва, 1956) на небольшом материале (86 неславянских названий рек, 9 неславянских названий озер) произведено членение субстратной топонимики на два дославянских слоя (546—547)—древнейший неясного происхождения (гидронимы на *-га*, *-ма*, *-кса*, *-ша*, *-ра*, *-на*), имеющий соответствия в волго-окском междуречье и Западной Сибири³³, и финно-угорский с названиями типа *Шулонема* и *Ламбаскурья*. Взгляд этот, однако, в работе проведен непоследовательно: иногда утверждается, что названия с «речными суффиксами», в существовании которых Н. В. Подольская убеждена (*-ма* «вода, река», 107—108; *-да*, *-та* «река, вода», 124 и т. д.), связаны с языками племен финно-угорской или даже финно-угро-самодийской языковой общности (82—92, 145—146).

Из последних исследований, в той или иной мере поддерживающих финскую гипотезу, необходимо остановиться на статьях Г. Я. Симиной и Е. М. Поспелова.

Субстратной топонимике Пинежья посвящена специальная статья Г. Я. Симиной³⁴, содержащая значительный материал по топонимике бассейна нижней и средней Пинеги. Г. Я. Симинова видела свою задачу в том, чтобы опубликовать этот материал, подвергнуть его первичной классификации, но не этимологизировать. В статье приводятся интересные факты, однако в материалах Г. Я. Симиной есть неточности, вызванные, очевидно, недостаточной осведомленностью информато-

³¹ Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР, стр. 207.

³² Там же.

³³ Влияние исследований Б. А. Серебренникова на эту работу несомненно.

³⁴ Г. Я. Симинова. Дославянская топонимия Пинежья. — Вопросы географии, № 58, «Географические названия». М., 1962, стр. 85—99.

ров или ошибками при записи — ср. *Шильега* (91) вместо *Шилега*, *Нельняга* (91) вместо *Нельнюга*, *Чухчема* (93) вместо *Чухченема*, *Шуиды* (96) вместо *Шуйга*, *Коскомень*, *Коргомень* (98) вместо *Каскомень*, *Каргомень* и др. Из этого следует, что ошибки могут быть и в других случаях, что заставляет относиться к фактам, приводимым Г. Я. Симиной, с осторожностью.

Довольно много промахов Г. Я. Симины допускает в классификации материала и интерпретации формантов в тех случаях, когда она не излагает уже высказанные взгляды, а пытается сама анализировать материал. Так, сомнительно утверждение, что названия рек на *-ма* (93—94) вторичны и происходят от названий урочищ с формантом *-ма* (<фин. *таа* «земля»). В отдельных случаях такая метонимия возможна, но все множество гидронимов на *-ма*, широко распространенных на Севере, нельзя возводить к названиям урочищ. Отметим также, что автор недостаточно четко противопоставляет двусложные и многосложные топонимы и поэтому ошибочно отрицает существование форманта *-лахта* (98).

Несмотря на эти недочеты, статья Г. Я. Симиной полезна, так как в ней много интересных фактов. Заметим, что Г. Я. Симины справедливо критикует позицию Б. А. Серебренникова, который не учитывает в своих работах русскую адаптацию (87, 90).

Богатый материал приведен и в новой работе Г. Я. Симиной «Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микро-территории (бассейн реки Юлы, Пинежский район, Архангельская область)» (Л., 1969).

Однако и в этой работе Г. Я. Симины не этимологизирует субстратную топонимику. В классификации по формантам допущены ошибки, например, название *Хорнема* (*Хор-нема*) отнесено к группе наименований на *-ма* и т. п. (9—10).

Основной тезис наиболее существенной из статей³⁵ Е. М. Поспелова «О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике» сводится к опровержению выдвинутой нами гипотезы о балтийском происхождении названий на *-ас* и *-ус*³⁶. Следует признать, что Е. М. Поспелов, располагавший в то время более значительным материалом, показал, что с точки зрения фонетической структуры названия на *-ас* и *-ус* близки к другим севернорусским субстратным топонимическим типам (например, на *-v+ньга*), что свидетельствует против их балтийского происхождения³⁷. К сожалению, эта полезная критика дополняется

³⁵ О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике. — ВЯ, 1965, № 2, стр. 29—38. Математико-статистические методы в топонимике. — «Вопросы географии», № 70. Изучение географических названий. М., 1966, стр. 28—40. Географическая терминология в анализе субстратной топонимии. — Местные географические термины в топонимии. Тезисы докладов и сообщений. М., 1966, стр. 14—16. Картографирование как метод исследования субстратной топонимии. — ВЯ, 1967, № 1, стр. 80—91. О методике топонимического исследования. — СФУ, IV, 1968, № 1, 49—51.

³⁶ А. К. Матвеев. О происхождении севернорусской топонимии на *-ас* и *-ус*. — ВТ. № 1. Свердловск, 1962, стр. 3—9.

³⁷ О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике, стр. 32—34.

сомнительными выводами о том, что саамские и прибалтийско-финские топонимы распространены на огромной территории вплоть до волго-окского междуречья, а коми-зырянские названия встречаются в Карелии ³⁸. Методы этимологизации, используемые Е. М. Поспеловым, охарактеризованы нами в статье «Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики» ³⁹. Последующие работы Е. М. Поспелова содержат противоречивые утверждения: если первоначально *-ас* и *-ус* считались словообразовательными формантами ⁴⁰ и на основе этого производилось сравнение соответствующих топонимов с прибалтийско-финскими, саамскими и коми-зырянскими данными ⁴¹, то затем оказалось, что *-ас* и *-ус* — географические термины, родственные фин. *oksa* «ветвь» ⁴², что противоречит гипотезе о их прибалтийско-финском, саамском и пермском происхождении, так как подобные термины (**as*, **us*) в этих языках неизвестны; названия на *-окса* отнесены ко временам прибалтийско-финско-волжской общности ⁴³, но эти же названия считаются коррелятивными с топонимами на *-ас* (ср. выше); затем признается, что названия на *-v+кса*, *-v+ньга* ⁴⁴ и *v+га* принадлежат диалектам одного языка или близкородственным языкам ⁴⁵; наконец, Е. М. Поспелов присоединяется к Б. А. Серебренникову в трактовке происхождения названий на *-v+ньга* и *-уга*, *-юга*, то есть к версии о их угорском происхождении ⁴⁶.

Подведем некоторые итоги.

1. «Финская» гипотеза получила поддержку ряда выдающихся исследователей (А. И. Шегрен, М. А. Кастрен, М. П. Веске, М. Фасмер, Я. Калима, А. И. Попов), использовавших различные письменные источники, неравноценные по количеству фактов и качеству материала.

Были высказаны предположения о прибалтийско-финском, саамском, пермском происхождении субстратных топонимов Севера, а также допущено существование специфических вымерших финских языков, промежуточных между прибалтийско-финскими и пермскими.

2. Из различных версий «финской» гипотезы наиболее аргументировано мнение о наличии в субстратной топонимике Севера прибалтийско-финских и саамских элементов, однако и оно основано на небольшом количестве фактов, в частности, до сих пор нет веских доказательств существования прибалтийско-финского и саамского пластов в гидронимике.

³⁸ Там же, стр. 36, карта № 3.

³⁹ ВЯ, 1965, № 6, стр. 8—10.

⁴⁰ О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике, стр. 34.

⁴¹ Там же, стр. 36.

⁴² Географическая терминология в анализе субстратной топонимии, стр. 15. Картографирование как метод исследования субстратной топонимики, стр. 89.

⁴³ Математико-статистические методы в топонимике, стр. 36.

⁴⁴ О корреляции названий на *-ас*, *-ус* и *-v+ньга* см. «О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике», стр. 32—34.

⁴⁵ О методике топонимического исследования, стр. 50.

⁴⁶ Географическая терминология в анализе субстратной топонимики, стр. 15.

3. Специфика прибалтийско-финских и саамских наречий Севера и зоны их распространения не установлены.

4. Предположение о существовании в топонимике региона пермских элементов осталось недоказанным.

5. «Мерянская» концепция не способна внести какую-либо ясность в существо рассматриваемой проблемы, так как не установлено, какую именно топонимику следует считать мерянской и каково лингвистическое положение мерянского языка.

II. К вопросу о «палеоевразийском» субстрате в топонимике русского Севера и Сибири

Вопрос об общем древнейшем слое в топонимике русского Севера ⁴⁷ и Сибири возник в связи с существованием в этих регионах географических названий, которые обнаруживают полное звуковое соответствие или близкое сходство в формантах и основах, а иногда даже идентичность в целом. Первым подобные параллели, как известно, выявил М. А. Кастрен, сопоставлявший, например, тюркское название Енисея *Кет* с финско-карельскими *Кет*, *Kemi*, *Kymi* ⁴⁸. Однако несравненно более многочисленные соответствия такого рода приведены в работах других исследователей, считающих эти соответствия доказательством существования общего древнейшего пласта в топонимике Севера и Сибири, но по-разному решающих вопрос о его лингвоэтнической принадлежности.

По мнению А. В. Попова общие севернорусско-сибирские субстратные компоненты топонимики образуют древнейший «чудской» (=угорский) слой ⁴⁹.

Б. А. Серебrenников относит их то к дофинно-угорским и даже к доурало-алтайским ⁵⁰, то к угорским ⁵¹. Г. М. Василевич, сопоставляя формальные элементы топонимики Севера и Сибири и выделяя, например, формант *-нга*, возводит соответствующие топонимы к эпохе урало-алтайского языкового единства ⁵².

Не разделяя высказанных взглядов, автор, тем не менее, считает возможной постановку вопроса о гипотетическом древнейшем слое в топонимике Севера и Сибири, условно называя его «палеоевразий-

⁴⁷ В дальнейшем — Севера.

⁴⁸ М. А. Castrén. Über die Ursitze des finnischen Volkes. Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. Spb., 1862, стр. 120

⁴⁹ А. В. Попов. К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии. — Известия Восточно-Сибирского отдела русского географического общества, т. XLIX Сб. секций земледения и экономической. Вып. 2. Очерки по земледению и экономике Восточной Сибири. Иркутск, 1926, стр. 134, 135, 138.

⁵⁰ Б. Серебrenников. Топонимические загадки Сибири. — Onomastica, V, 1. Wrocław — Kraków, 1959, стр. 114—115.

⁵¹ Б. А. Серебrenников. К проблеме этнической и языковой принадлежности создателей гидронимии на *-ым* (*-им*). — NyK, LXX, 1. Budapest, 1968, стр. 136—138.

⁵² Г. М. Василевич. Топонимика Восточной Сибири. — Известия ВГО, 90. Л., 1958, № 4, стр. 333.

ским». Во-первых, факт существования многочисленных схождений в топонимике Севера и Сибири сам по себе представляет значительный интерес, как бы его ни интерпретировать, а, во-вторых, «палеоевразийская» концепция до сих пор еще не была предметом специального рассмотрения. Наша цель здесь — охарактеризовать методический аспект проблемы, так как сопоставительное изучение топонимики Севера и Сибири относится к наиболее трудным топонимическим исследованиям — интеррегиональным, методика которых до сих пор не разработана.

Существование общих элементов в топонимике Севера и Сибири, на первый взгляд, очевидно. Достаточно привести такие соответствия в формантах, как *Нюкчим* (С.)⁵³ и *Илим* (Сиб.), *Ягрыш* (С.) и *Иртыш* (Сиб.).

Насчитывается много случаев, когда обнаруживается полное совпадение топонимов Севера и Сибири (ср. *Икса*, *Кама*, *Она* и др.). Однако необходимо иметь в виду, что материал для подобных сопоставлений отыскивают на всей территории Сибири. Так, в статье Б. А. Серебренникова «Топонимические загадки Сибири» фигурируют названия, относящиеся к бассейнам Оби, Енисея, Лены, Амура, Японского и Охотского морей. Но с увеличением базы сравнения в топонимике неизмеримо возрастает возможность случайных совпадений, поскольку при сравнении субстратных ономастических единиц языка не действует семантический критерий, ограничивающий возможность случайных совпадений при сравнении апеллятивов. При сопоставлении регионов Севера и Сибири возможность ложной идентификации топонимов исключительно велика, поскольку соответствия топонимам Севера, как уже было сказано; отыскиваются на всей территории Сибири, между тем как территория Севера по сравнению с территорией Сибири очень незначительна. В то же время он целиком населен русскими, тогда как Сибирь многонациональна. Ясно, что найти «параллели» при столь неадекватных базах сравнения очень легко.

Сопоставление севернорусской и сибирской топонимики могло бы дать более убедительные результаты в том случае, если бы сравнивались топонимы относительно равных по величине территорий, причем выборка материала была бы достаточно полной, а не сводилась к произвольному выхватыванию фактов из топонимической системы. Возможно, перспективным оказалось бы и сопоставление названий наиболее значительных рек, которые обычно являются более древними. При сопоставлении же неадекватных топонимических материалов элемент случайности становится определяющим.

Другая сторона вопроса состоит в том, что интеррегиональные сопоставления в еще большей степени, чем региональные, должны основываться на учете фонетической адаптации и фонетических закономерностей в целом. Тщательное ознакомление с материалом позволяет обнаружить существенные различия между топонимическими

⁵³ С. — Север, Сиб. — Сибирь.

фактами — акцентологически *Илим*, *Иртыш* отличны от севернорусских названий с их характерным ударением на первой слоге (*Нюкчим*, *Ягрыш*). Это, разумеется, может быть объяснено тюркским воздействием, но тем не менее свидетельствует о необходимости строгого учета посредствующей адаптации, в первую очередь, русской и тюркской. Вопросы адаптации подверглись основательной разработке в трудах А. П. Дульзона⁵⁴, что позволяет не останавливаться на этой стороне дела. Исползую только пример В. Штейница, показавшего, что русскому гидронимическому окончанию *-ым* (*Казым*, *Надым*) может соответствовать хантыйское *-эм* (*kazəm*) и *эη* (*nätəη*)⁵⁵.

Это означает, что при интеррегиональных исследованиях формантный метод должен применяться с особой осторожностью. Более или менее доказательным можно было бы считать систематическое употребление в пределах двух или более регионов многосложных формантов с установленным значением⁵⁶. Но исследователи при сопоставлении топонимики Севера и Сибири, как правило, сравнивают односложные конечные группы типа CV (или реже VC), значение которых не установлено, а происхождение, по крайней мере, в случае CV при V=A в значительной степени связано с русской адаптацией.

Еще один важный момент состоит в том, что для интеррегиональных исследований необходимо привлекать не только русские картографические формы, очень часто отражающие позднейшую русскую фонетическую и морфологическую адаптацию, но и их соответствия в языках Сибири, между тем в работах сторонников «палеоевразийской» гипотезы обычно фигурируют именно русские картографические формы. Уже одно это обстоятельство позволяет взять под сомнение полученные результаты. Так, например, на Севере и в Сибири есть река *Кондома*, однако сибирская *Кондома* у шорцев называется *Мондум*. Независимо от того, предшествует ли шорское *Мондум* русскому *Кондома* (что представляется более естественным) или имеет место обратное соотношение, до более тщательного изучения вопроса прямое сопоставление севернорусского и сибирского названий следует считать неправомерным.

Методика интеррегиональных исследований не разработана и в других отношениях, в частности, она не увязана с основными положениями сравнительно-исторического языкознания и общей топониматики. Сопоставление формантов и основ в регионах Севера и Сибири производится без учета фонетических соответствий⁵⁷; в конеч-

⁵⁴ Особенно в статье «Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения». — ВЯ, 1959, № 4, стр. 35—46.

⁵⁵ W. Steinitz. Zu vorrussischen Namen und ihrer Aufnahme und Wiedergabe im Russischen. — Slawische. Namenforschung. Veröffentlichungen des Instituts für Slavistik der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Nr. 29, Akademie — Verlag, 1963, стр. 8.

⁵⁶ Ср.: В. Н. Топоров. Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топониматики. — Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, стр. 53.

⁵⁷ Ср.: «Топонимические загадки Сибири».

ном счете, сравнивается все, что внешне сходно. Если обратить внимание на характер выявляемого исследователями «палеоевразийского» субстрата, то оказывается, что он в фонетическом и словообразовательном отношениях единообразен на всей территории Севера и Сибири.

В то время как даже на относительно небольшой территории различаются русские диалекты (ср.: *час*, *ц'ас*, *ш'ас*), обнаруживаются серьезные различия между мансийскими диалектами (ср.: сев. *sorup*, зап. *šorup* «лось», сев. *xum*, зап. *kum* «мужчина»), идет спор о том, что реально существует — хантыйские диалекты или языки, — на огромной территории от Кольского полуострова до Тихого океана предполагается наличие единой в фонетическом и структурном отношениях общности, восходящей к урало-алтайскому периоду или даже предшествовавшей ему, но тем не менее сохранившей свое первозданное единство. Между тем, даже унифицирующая русская адаптация не может стереть все фонетические различия между топонимами. Сомнения в том, что в топонимическом субстрате можно установить фонетические закономерности⁵⁸, исчезают при обращении к материалу. Так, множество севернорусских названий начинается со звука Р (Радим, Ремлюга, Равдус, Роменьга и др.), тогда как в работе Б. А. Серебренникова «Топонимические загадки Сибири» нет примеров с начальным Р, и это неслучайно. Известно, что звук Р отсутствует в анлауте самодийских, тунгусо-маньчжурских и тюркских слов, и поэтому исключительно редок в начальном положении топонимов большинства районов Сибири (кроме тех мест, где Р встречается в функционирующих языках, например, в чукотском), однако Р весьма обычен в подавляющем большинстве типов субстратной топонимики русского Севера, восходящих к языкам финской группы, в которых начальное Р встречается достаточно часто.

Есть еще одна сторона вопроса, на которой следует специально остановиться. В настоящее время большинство лингвистов склонно считать, что период распада индоевропейской общности относится к значительно более глубокой древности, чем это предполагалось ранее. Так, по мнению В. Георгиева, основные группы индоевропейских языков были оформлены к VI—IV тысячелетиям до н. э.⁵⁹ Но финно-угорские языки разошлись не в меньшей, если не в большей степени, чем индоевропейские, уральские, соответственно, еще больше; если же обратиться к гипотетической урало-алтайской общности, то придется иметь дело со столь глубокой древностью, отдаленной от нас на многие тысячи лет, что отражение ее в топонимике совершенно нереально. Вообще исследователи часто слишком архаизируют возраст географических названий. Самые древние топонимические факты, с которыми нам приходится иметь дело, вряд ли старше, чем несколько тысячелетий. Известно, что наиболее древними являются назва-

⁵⁸ Ср.: Б. А. Серебренников. Всякое ли внешнее сопоставление недопустимо? — СФУ, IV, 1968, № 1, стр. 42.

⁵⁹ В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 277.

ния крупных рек, но, например, иранское (скифское) название реки, отраженное в гидронимах *Дон* и *Донец* (**don*), относящихся к территории, на которой достоверно зафиксирована иранская (скифская) культура ⁶⁰, вряд ли восходит ко временам более древним, чем I тысячелетие до н. э. Между тем сторонники «палеоевразийской» гипотезы относят к гораздо более глубокой древности всю массу гидронимов с внешне совпадающими окончаниями на всей громадной территории Северной Евразии. Вообще нет почти никаких шансов на то, что в топонимике отражены массовые следы таких древних недифференцированных языковых общностей, как финская, угорская и тем более финно-угорская и уральская. В топонимическом субстрате, как правило, фиксируются реликты более поздних языков или языковых групп. Лишь отдельные названия особенно значительных рек, озер или гор могут восходить к глубокой индоевропейской или финно-угорской древности, но и этот теоретический постулат трудно докажем.

Наконец, защитники «палеоевразийской» гипотезы не считают также с тем объективным фактом, что топонимика Сибири в значительной степени связана с урало-алтайскими языками, а топонимика Севера — с уральскими. Структурное сходство этих языков (агглютинация суффиксов, бедность консонантизма, сингармонизм и др.) и наличие в них генетически общих элементов (при любой трактовке последних) также должны были способствовать появлению параллелей, которые могли оказаться как истинными соответствиями, так и ложными. Русская адаптация со своей стороны могла нивелировать фонетические и формальные различия, увеличивая число параллелей (см. названные работы А. П. Дульзона и В. Штейница).

Если мы действительно хотим выяснить природу «палеоевразийского» топонимического феномена, надо провести, строго следуя принципам изучения субстратной топонимики, достаточно обстоятельное региональное обследование наиболее важных с рассматриваемой точки зрения областей Сибири. Только после этого можно будет осуществить интеррегиональные сопоставления и с уверенностью ответить на вопрос, что представляет собою «палеоевразийский» слой. Сказанное не означает, конечно, что в настоящее время не следует вообще сопоставлять топонимику Севера и Сибири, но эти сопоставления должны быть крайне осторожными и носить предварительный характер. Для подобных сравнений лучше выбирать сравнительно узкие регионы, хорошо исследованные в полевых условиях. «Палеоевразийские» элементы при этом нередко объясняются на почве какого-либо из сибирских языков. Так, в Восточных Саянах русскому названию реки *Каменка* соответствует тофаларское *Тангота*, восходящее к карагаскому (самодийскому) *tangait* «камень» ⁶¹. Калькированное на русской почве название с «загадочным» суффиксом *-та* (-*da*), который

⁶⁰ История СССР с древнейших времён до наших дней. Т. 1. М., 1966, стр. 214.

⁶¹ K. Donner. Samojedische Wörterverzeichnisse. MSFOu., 64, Helsinki, 1932, стр. 16.

вполне может быть квалифицирован как «палеоевразийский»⁶², оказалось древним самодийским реликтом, выступающим в тюркском облачении. Между тем, на Севере соответствующий форматив *-v-+da* (*Вонгода*), очевидно, имеет совсем другое происхождение и связан с древним суффиксом **-(e)da*, отраженным, например, в вепсском *kor-ged* «высокий»⁶³. Таким образом, суффиксальная омонимия может быть мнимой, чисто внешней, возникать уже на русской почве; это же может относиться и к полностью совпадающим гидронимам. Однако названия, систематически повторяющиеся на территории Севера и Сибири и обладающие достаточно сложной фонетической структурой, могут представлять и известный интерес, особенно в тех случаях, когда они предположительно идентифицируются как географические термины. Рассмотрим один пример, ярко иллюстрирующий сложность проблемы. Тувинское *хем* (*кем*) «река» считается финно-угорским (М. А. Кастрен), индоевропейским (А. П. Дульзон)⁶⁴, тунгусо-маньчжурским (М. Ряснянен⁶⁵). Его нетюркский характер очевиден. Гидронимические параллели на русском Севере (*Кема, Кьяма, Кыма, Кяма, Кама*), в Карелии — *Кемь* и Финляндии — *Кеті, куті* «большая река» настолько явны, что позволяют сделать вывод о терминологическом значении севернорусских топонимов («река», «большая река») и о точном соответствии сибирских и севернорусских названий. Замечательно, однако, что на Севере эти топонимы никогда не выступают в роли детерминативов, что может служить дополнительным свидетельством в пользу их происхождения не из агглютинирующих языков. Тем не менее, хотя индоевропейские параллели заманчивы, вопрос о происхождении этой группы топонимов пока остается открытым.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Методы сопоставления субстратной топонимики Севера и Сибири пока еще нельзя признать соответствующими уровню современной лингвистической науки.

2. Окончательное решение вопроса зависит от сопоставления топонимики Севера с отдельными регионами Сибири, хорошо изученными в топонимическом отношении, но уже сейчас ясно, что подавляющее большинство формально совпадающих топонимов Севера и Сибири нельзя квалифицировать как «палеоевразийские».

3. Соответствия в топонимике Севера и Сибири могут объясняться:

а) наличием общих основ и формантов в различных уральских и, шире, урало-алтайских языках;

⁶² Топонимические загадки Сибири, стр. 107.

⁶³ T. Lehtisalo. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. MSFOu., 72, Helsinki, 1936, стр. 271—272.

⁶⁴ А. П. Дульзон. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения. — Топонимика Востока (новые исследования). М., 1964, стр. 14—15.

⁶⁵ М. Ряснянен. Об урало-алтайском языковом родстве. — ВЯ, 1968, № 1, стр. 49.

б) структурным единообразием урало-алтайских языков и, в частности, спецификой их слоговой структуры и бедностью консонантизма;

в) унифицирующим действием русской и тюркской адаптации;

г) случайными совпадениями, неизбежными в случае сопоставления количественно неадекватных и разноязычных материалов;

д) наличием субстратных элементов неясного происхождения (типа *Kem*), представляющих особый интерес в плане выявления общих севернорусско-сибирских субстратных компонентов.

Сокращения, принятые в статье:

ГН — А. И. Попов. Географические названия (введение в топонимику). М. — Л., 1965.

ИИФН — А. И. Попов. Из истории финно-угорских народностей (докторская диссертация). Л., 1947 (машинопись).

МТК — А. И. Попов. Материалы по топонимике Карелии. Советское финно-угроведение, V. Петрозаводск, 1949.

ТБК — А. И. Попов. Топонимика Белозерского края. Ученые записки ЛГУ, № 105. Л., 1948.

В., II — M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. SPAV, Phil. — hist. Klasse, XVIII, Berlin, 1934.

В., III — M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas, III Merja und Tscheremissen. SPAV, Phil. — hist. Klasse, XIX, Berlin, 1935.

В., IV — M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas, IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permian in Nördrußland. SPAV, Phil. — hist. Klasse XX. Berlin, 1936.

ЕРО — Einige russische Ortsnamentypen. FUF, XXVIII, 1—3, Helsinki, 1944.

НФ — Neuere Forschungen über baltisch-finnische und finnisch-slavische Beziehungen. Zu den westfinnischen geographischen Namen in Rußland. Zeitschrift für slavische Philologie. Band XII, Doppelheft 1—2. Leipzig, 1935.

УЕРО — Über die Erforschung russischer Ortsnamen fremden Ursprung. Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften, 1949.

ЗАС — Zu den anl. Sibilanten der ostseefinnischen Ortsnamen im Russischen. FUF. XXVIII, 1—3, Helsinki, 1944.